

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств имени Святителя
Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и
литература)»

Выпускная квалификационная работа

на тему:

Современная православная проза: духовно-нравственные аспекты
творчества писателей-священнослужителей (на примере творчества
протоиерея Николая Агафонова)

Выполнил студент
4 курса группы ОФ-401
очной формы обучения
Разумов Евгений Юрьевич

(подпись)

Научный руководитель
Трофимова Анастасия
Владимировна, к.ф.н.,
доцент

(подпись)

Допустить к защите:

Заведующий кафедрой _____ А.В. Трофимова
(подпись)

«___» _____ 2024г.

Тольятти 2024

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский
язык и литература)»

УТВЕРЖДАЮ
и.о. зав. кафедрой Трофимова А.В.

(подпись) (И.О.Ф.)
« ____ » _____ 2024 г.

**ЗАДАНИЕ
на выполнение выпускной квалификационной работы**

Студент: Разумов Евгений Юрьевич

1. Тема: Современная православная проза: духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей (на примере творчества протоиерея Николая Агафонова)
2. Срок сдачи законченной выпускной квалификационной работы: 04.06.2024г.
3. Исходные данные: научные статьи, учебная литература по теме исследования, периодические издания, сборники стихов и др.
4. Содержание работы: введение, первая глава, вторая глава, заключение, библиографический список.
5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала: научные статьи по творчеству прот. Николая Агафонова
6. Дата выдачи задания «01» февраля 2024 г.

Научный руководитель _____ к.ф.н., доцент А.В. Трофимова
(подпись)

Задание принял к исполнению _____ Е.Ю. Разумов
(подпись)

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский
язык и литература)»

УТВЕРЖДАЮ

и.о. зав. кафедрой русского
языка

и литературы

_____ Трофимова А.В.

(подпись)

« ____ » _____ 2024 г.

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

выполнения выпускной квалификационной работы

на тему: Современная православная проза: духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей (на примере творчества протоиерея Николая Агафонова)

студента: Разумова Евгения Юрьевича

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения Раздела	Отметка о выполнении
1.	Поиск литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	01.02.24	01.02.24	Выполнено
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	10.02.24	10.02.24	Выполнено
3.	Написание разделов ВКР	06.05.24	06.05.24	Выполнено
	Введение	01.03.24	01.03.24	Выполнено

	1 глава	25.04.24	25.04.24	Выполнено
	2 глава	06.05.24	06.05.24	Выполнено
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	11.05.24	11.05.24	Выполнено
5.	Оформление работы	17.05.24	17.05.24	Выполнено
6.	Предзащита бакалаврской работы	18.05.24	18.05.24	Выполнено
7.	Исправление замечаний	31.05.24	31.05.24	Выполнено
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	04.06.24	04.06.24	Выполнено
9.	Получение отзыва от руководителя	04.06.24	04.06.24	Выполнено
10.	Получение справки опроценте оригинального текста	18.05.24	18.05.24	Выполнено
11.	Подготовка доклада и иллюстрированных материалов для защиты	08.06.24	08.06.24	Выполнено
12.	Изучение отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания	04.06.24	04.06.24	Выполнено

Научный руководитель _____ А.В. Трофимова
(подпись)

Задание принял к исполнению _____ Е.Ю. Разумов
(подпись)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. Формирование православной традиции в русской литературе	10
1.1. Православная традиция в отечественной словесности: историко- и теоретико-литературные аспекты	10
1.2. Специфика воплощения православного мировоззрения в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв	16
1.3 Иерейская проза как литературное явление	23
Выводы по первой главе	30
Глава II. Специфика сборника рассказов протоиерея Николая Агафонова «Преодоление земного притяжения»	31
2.1. Христианские идеалы автора в цикле рассказов «Преодоление земного притяжения»	31
2.2. Специфика духовной трансформации героя в рассказах «Утешение в старости» и «Отшельник поневоле»	40
2.3. Мотив чуда в произведениях протоиерея Николая Агафонова	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	58

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время рассмотрение и осмысление русского художественного текста как феномена православной культуры сомнений не вызывает. Русские писатели – от авторов житийных текстов до многочисленных образцов прозы современной – убедительно отображают христианскую сущность русского человека, бытие которого во многом определяется православными заповедями. В последние десятилетия в отечественной словесности выделилось особое художественное направление – православная литература, представленное широким рядом писательских имен. Особенно ярко звучат фамилии писателей архимандрита Тихона (Шевкунова), прот. А. Владимирова, В.Крупина, Н.Блохина, В.Лялина, прот. Н. Агафонова.

Актуальность избранной темы определяется малой степенью изученности творчества писателей-священнослужителей и возрастающим в научной и читательской среде интересом к такого рода прозе. Более того, в XXI вв., в период духовного возрождения России, активизации диалога церкви и социума, появление, формирование и активное развитие православной художественной словесности становятся весьма значимым явлением в современном литературном процессе, требующим системного изучения.

Теоретическая база исследования:

Научно значимыми для нас явились труды отечественных исследователей, рассматривающих русскую литературу в контексте христианских идей и категорий (М. М. Дунаев, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров, В. Т. Захарова, Г. Ю. Карпенко, Т. А. Касаткина, В. А. Котельников, А. М. Любомудров, С. А. Мартьянова, А. Б. Тарасов, В. Е. Хализев, О. Ю. Юрьева и др.); работы ведущих историков современной отечественной литературы (О. В. Богданова, О. Ю. Осьмухина, Я. В.

Солдаткина, Т. М. Колядич и др.); исследования, посвященные творчеству православных писателей (О. А. Бердникова, В. В. Двоеглазов, И. А. Есаулов).

Специфика нашей работы потребовала обращения к трудам Отцов Церкви (Игнатий (Брянчанинов), Иоанн Златоуст, Иоанн Кронштадтский, Иоанн Лествичник и др.), а также к работам отечественных философов (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. Флоренский и др.).

Объект исследования: малая проза протоиерея Николая Агафонова (сборник рассказов «Преодоление земного притяжения»).

Предмет исследования: специфика воплощения православного мировоззрения в творчестве протоиерея Николая Агафонова и особенности его художественного воплощения через тематику, сюжетику, образную систему.

Цель работы: выявление своеобразия поэтики малой прозы протоиерея Николая Агафонова. Цель определила **задачи исследования:**

- определить отличительные особенности поэтики художественных текстов, значение и место православной (иерейской) прозы в литературном процессе;
- изучить центральные идейно-тематические пласты, образно-содержательные лейтмотивы в православной прозе;
- провести целостный анализ образно-эстетической системы избранных произведений;
- выявить специфику религиозно-философского, нравственного звучания произведений протоиерея Николая Агафонова.

Методы исследования: мотивный, интертекстуальный анализ, сравнительный и биографический метод.

Положения, выносимые на защиту:

- современная отечественная проза, репрезентующая православную картину мира и использующая околоцерковную мотивику, воплощена в двух ключевых направлениях: творчество светских писателей,

обращающихся к православной тематике в связи с решением индивидуально-авторских художественных задач, собственно православная проза, создателями которой являются действующие священнослужители и писатели, позиционирующие себя православными;

– в современной православной прозе наиболее распространены малые и средние жанровые формы (рассказ и повесть), что максимально соответствует авторским задачам: ориентация на широкую читательскую аудиторию, концептуальная целостность, компактность, визуальная обозримость, однолинейность, дидактичность;

– в сборнике рассказов Н. Агафонова «Преодоление земного притяжения» акцентируются важнейшие принципы жизни православного христианина (вера в помощь Бога, молитва как главное средство общения с Ним, надежда на прощение грехов через покаяние, любовь к ближнему, смирение; категория чуда актуализируется в помощи героям свыше, в случайном стечении обстоятельств и неожиданных встречах; паломничество и поклонение мощам святых даруют помощь, исцеление и утешение); все рассказы назидательны, носят притчеобразный характер, что воплощено в отсылках к Священному Писанию (персонажи стремятся к духовному росту, вспоминают о библейских сюжетах, становящихся иллюстрацией их опыта, цитируют тексты молитв).

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней впервые в отечественном литературоведении монографически осмыслено творчество православного писателя – протоиерея Николая Агафонова в контексте религиозных традиций русской словесности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов для дальнейшего изучения прозы писателей-священнослужителей. Основные положения исследования, выводы могут быть применены в практике вузовского преподавания, на лекциях и практических занятиях по курсу «Современная русская литература», в спецкурсах и спецсеминарах для студентов-филологов, на

факультативных занятиях, в школьной практике преподавания литературы и проведения внеклассных мероприятий.

Апробация работы. Материалы исследования были представлены в форме докладов на V Рождественских образовательных чтениях Тольяттинской епархии (диплом III степени), VII Региональной молодежной научно-практической конференции «Поволжский фестиваль студенческой науки» (сертификат участника).

По материалам выпускной квалификационной работы была опубликована статья: «Идея духовного преображения героя в современной русской литературы (на примере рассказа протоиерея Николая Агафонова «Утешение в старости») в сборнике статей «Изучение вопросов развития науки и образования в современных условиях», май, 2024.

Структура выпускной квалификационной работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, который насчитывает 56 источников.

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, определяется объект, предмет, практическая и теоретическая значимость, цель и задачи исследования.

В первой главе «Формирование православной традиции в русской литературе» выявляется и анализируется своеобразие репрезентации религиозных мотивов, образов и сюжетов в творчестве современных прозаиков. С опорой на классификацию Н. Н. Гордиенко, в современной прозе вычленяются две типологические разновидности: «православно-созерцательный» и «православно-воцерковленный типы» творчества, а кроме того, анализируются религиозная сюжетика и мотивика в творчестве современных светских писателей.

Во второй главе «Специфика сборника рассказов протоиерея Николая Агафонова «Преодоление земного притяжения» установлено, что для малой жанровой формы православной прозы свойственны биографизм, дидактизм, притчеобразный характер, отсылки к Священному Писанию.

Исследуется реализация мотива чуда в творчестве писателя. На примере рассказов «Утешение в старости» и «Отшельник поневоле» рассматривается специфика духовной трансформации героя. В сборнике рассказов отчетливо выстраивается типология героев: праведники-священнослужители, становящиеся проводниками для заблудших, несущие благодать, учащие смирению и любви, преображающие повседневность своим словом и делом; праведники в миру, которые, подобно героям И. С. Шмелева, устремлены к Богу, чисты душой, милостивы, скромны, способны к всепрощению; раскаявшиеся грешники, прошедшие через череду испытаний, трудностей, а нередко и преступлений, но обретшие веру, познавшие силу молитвы.

В заключении обобщаются основные результаты исследования и приводятся выводы по работе.

Глава I. Формирование православной традиции в русской литературе

1.1. Православная традиция в отечественной словесности: историко- и теоретико-литературные аспекты

Общеизвестно, что древнерусская литература исторически сложилась как часть новой христианской цивилизации, которая способствовала формированию религиозного мировоззрения, осознанию сущности православного миропорядка, Бога и православной души. Согласно святителю Иоанну Златоусту, «Бог для православного человека есть им принятое, не подавляющее в нем свободной воли, светло радующее его начало, его предел-абсолют, понуждающий его нести бремя ответственности перед абсолютным и дарующее в избрании этого бремени ощущение правости, человечности своего бытия. Бог для православного человека есть принятие им себя как бесконечно глубокой соискании смысла (боговдохновенности) всего и вся духовности. Бог для православного человека есть то, в чем действительно рождаются все люди, и в этом единении их (соборности) и покоится нетленное их человеческое счастье. Бог для православного человека не знак его избранности <...> среди других людей или народов, но его мечта и образ жизни по евангельскому идеалу» [33, с. 18].

Христианская цивилизация принесла на Русь не только новую письменность, но и жанровую систему, в которой важнейшее место занимал агиографический пласт: патерики, жития святых, хождения, репрезентовавшие образцы благочестивой жизни, образы героев-праведников, готовых к самопожертвованию ради веры. В соответствии с принципом историзма древнерусской литературы, подобный герой выступал как историческое лицо, но прежде всего воплощал в себе

художественный обобщенный идеал эпохи: «...в образах Александра Невского или Меркурия Смоленского авторы изображали не столько те черты, которые были свойственны этим реальным лицам (хотя реальные черты в большей или меньшей мере в них присутствовали), сколько те именно качества, которые должны были бы у них быть как у представителей определенной социальной группы или определенной категории святых (святой-мученик, святой-воин, святой-аскет и т. д.)» [28, с. 36].

Именно в литературе Древней Руси, а также в классической словесности, на наш взгляд, отражались те ключевые особенности религиозной культуры и воплощались черты православного мировоззрения, миропонимания и мирозерцания, осмысливались проблемы духовности, которые будут свойственны и современной православной прозе.

Православная проза представляет собой уникальное литературное явление, отражающее специфическое мировосприятие в духе нашего времени, тесно связанное с христианско-церковным учением. Это динамичное и многогранное направление в современной литературе, проявляющее себя в широком спектре стилистических и жанровых форм. Православная проза не ограничивается узкими рамками жестких канонов. Напротив, она проявляет себя в самых разнообразных литературных стилях, начиная с подробного "бытописания" повседневной жизни (в частности, так зародилась православная проза в 1990-х годах) и заканчивая жанром фэнтези.

Православная проза выходит за рамки простого повествования, перерастая в глубокое размышление о наиболее насущных и волнующих вопросах человеческого бытия. Авторы православной прозы искусно переплетают в своих произведениях социальные и духовные аспекты. Они поднимают вопросы о природе человека, о смысле жизни, смерти и вечности. Герои их книг размышляют о моральных ценностях близких

людей и о высшем предназначении человека. В православной прозе читатель найдет ответы на фундаментальные вопросы существования мира и своего места в нем. Православная проза раскрывает грани любви в ее различных проявлениях: любви человека к Богу, любви между людьми и любви Бога к человеку. Герои этих книг проходят через испытания и искушения, приходя в итоге к вере, прощению и обретению надежды на подлинное счастье.

Такие произведения служат не только источником духовного утешения, но и практическим руководством в сложных жизненных ситуациях. Они помогают найти ориентиры в непростом и часто запутанном лабиринте повседневности. При чтении православной прозы каждый читатель волен выбрать наиболее близкие и резонирующие с его душой произведения. Кроме того, следует отметить, что православная проза активно взаимодействует с различными другими литературными направлениями обогащаясь их приемами и стилистическими особенностями. Она отличается открытостью к диалогу с современным искусством и культурой, стремясь к созданию новых, оригинальных художественных форм для передачи традиционных христианских ценностей и идей.

В целом, православная проза представляет собой живое и динамичное явление в современной литературе, отражая богатую и многогранную картину духовных исканий человека в стремительно меняющемся мире. Ее произведения несут в себе не только эстетическую ценность, но и мощный духовный и нравственный потенциал, способный оказать глубокое влияние на читателя, помочь ему найти смысл и ориентиры в жизненном пути.

Одной из отличительных особенностей русской классической литературы является ее ориентированность по большей части на осмысление вечных проблем, это диалог с народом, обращение к совести читателя. Этим огромным творческим потенциалом наша словесность

обязана в первую очередь православной вере, православной традиции, ставшей камнем основания и прочным духовным стержнем русской культуры. Православие стало мощным импульсом для культурного развития нашего народа на века определившим его сознание и систему ценностей.

К концу XVII в. в России светская литература окончательно отделяется от церковной. Литература считалась отражением воли и духа народа, а ее целью была идеологическая функция. Именно в это время ушло из обихода выражение «духовная жизнь». Последующие два столетия – время литературного становления и развития, поиска новых художественных форм и принципов изображения человека, отличных от древнерусской религиозной традиции. Однако и церковная литература, что редко учитывается при исследовании общего развития российской словесности, не остается полностью в русле средневековой традиции. Она, как и светская, переживает изменения и становится более свободной по форме и содержанию.

Как отмечает в своем «Обзоре русской духовной литературы» архиеп. Филарет (Гумилевский), после реформ Петра Великого «область духовной литературы расширилась, вошла в соприкосновение с предметами образования светского, но не против значения христианства...» [12, с. 1].

В XVIII–XIX вв. авторы-священники сочиняют уже не только жития, поучения и проповеди, но активно создают произведения самых разных жанров и стилей: мемуары (воспоминания, автобиографии, дневники, путевые заметки), эссе, сочинения публицистического и философского характера. Пишутся эти сочинения, как правило, современным литературным языком. В то же время светские авторы часто избирают предметом своего изображения явления духовные и создают произведения, близкие к церковной литературе.

В частности, появляется большое количество путешествий к Святым

местам, написанных не духовными лицами. В результате возникают произведения, лежащие на пересечении традиционной церковной и новой светской литературы, которые современные исследователи предлагают определять как «духовную прозу» – явление, «синтезирующее духовный опыт и достижения литературного развития» [22. с. 131]. В качестве наиболее значительных ее образцов называют «Письма Святогорца о Святой Горе Афон» (1850), «Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инок Парфения» (1855), анонимные «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» (1881), думы и эссе святителя Игнатия (Брянчанинова), входящие в его «Аскетические опыты» (1843–1848), а также произведения светских, но близких к Церкви авторов: «Путешествие к Святым местам в 1830 году» (1832) и «Путешествие по Святым местам русским» (1836) А.Н. Муравьева, «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) Н.В. Гоголя, «Воспоминания о поездке на Афон» (1889) Н.Н. Страхова.

Расцвет духовной прозы, таким образом, приходится на середину и вторую половину XIX столетия. Следует подчеркнуть, что это произведения, посвященные не общим духовным или религиозным проблемам (в этом смысле вся классическая русская литература может быть названа «духовной»), но специфическим вопросам православной веры и Церкви. Их основной сюжет – внутренний путь автора и опыт его личного духовного «делания» в русле православной традиции. Этот опыт может быть самым разнообразным: паломничество к Святым местам, молитвенная практика, миссионерская деятельность, общение с духовным наставником и т.п.

Как правило, эти сочинения тяготеют к эпистолярным и мемуарным жанрам, с характерными для них исповедальностью и автобиографичностью. Эстетическая функция в духовной прозе имеет второстепенное значение, но она не исключает художественного начала. Хотя ее художественность, по наблюдению Е.В. Гладковой, чаще всего

является «непреднамеренной» [2. С. 147] и выражается главным образом на уровне языка и стиля, допускающих использование самых разнообразных художественных средств и приемов.

Подробно тезис о том, что взаимодействие между церковной и светской литературой происходит преимущественно на уровне стилистики, доказывает П.Е. Бухаркин. В монографии «Церковь и русская литература в XVIII–XIX вв.: (Проблемы культурного диалога)» он утверждает, что при рассмотрении взаимодействия Церкви и литературы первостепенное «...значение приобретает анализ поэтики художественного произведения. Ведь именно совпадение формальных способов выражения христианского мирозерцания в светской литературе и церковной словесности и позволяет в конечном счете утверждать наличие связи между ними» [3. С. 39].

В настоящее время изучение духовной прозы в филологическом ключе только начинается. В связи с этим возникает целый спектр исследовательских проблем: и с точки зрения методологии (насколько применимы к данному рода сочинениям понятия собственно литературоведческие), и с точки зрения источниковедения (какие сочинения следует относить к данному явлению).

«Духовная проза – это пласт художественных произведений религиозно-церковной тематики, авторами которых являются как православные священнослужители, так и верующие светские писатели. В качестве синонима может употребляться термин православная проза, более конкретно подчеркивающий конфессиональную принадлежность ее создателей».

В современном литературоведении понятия «духовное направление» («духовная литература», «духовная проза») являются дискуссионными; сложилось несколько подходов к пониманию содержания этого явления. Одни считают использование понятия оправданным только по отношению к церковной литературе; другие рассматривают определение широко:

«духовный» в смысле, «нравственный», «взыскующий» - при таком понимании вся русская литературная классика «духовна», но при этом границы понятия «духовная литература» расширяются и теряется значение термина. Третья точка зрения, в русле которой строится и данная работа, понятие «духовная литература» рассматривает в свете религиозной традиции: «духовный» — связанный с «духом».

Так, например, в словаре церковнославянских слов и понятий выделяются следующие значения слова «дух»: третье лицо Пресвятой Троицы; душа (сердце) человека; «дух» связан с присутствием Высшего начала в жизни, а «духовный» означает «несущий на себе печать Духа Святого» [13, с. 59].

Таким образом, под понятием «духовная литература» применительно к «светскому» литературному контексту, мы понимаем литературу, воплощающую в своей художественной системе религиозно-духовный опыт человека: здесь отчетливо формируется «небесная вертикаль»; герои сознательно декларируют свою приверженность православной вере, или же интуитивно ориентируются на православные ценности, и на них строят свою систему этических и эстетических координат.

Н.А. Бердяев писал, что в русской литературе творчество строится «не от радостного творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека» [2, с. 53]. Это определение точно характеризует «духовное направление» в литературе, произведения которого, говоря словами современного исследователя, становятся врачом наших душевных ран и нашей духовной немощи через сердечное приобщение к опыту авторов [3, с. 4-10].

1.2. Специфика воплощения православного мировоззрения в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв

Русская духовная литература XX в. своим истоком имеет глубинные, «корневые» основы национальной культуры, питающиеся из православного мироощущения. Наряду с «осознанной религиозностью» в глубинах народной культуры «растворена» и «интуитивная религиозность», не исчезающая в периоды, когда связь Церкви и общества ослабевала (или вообще разрывалась), но напротив, именно в такие периоды народная, глубинная, культура и язык оказывались едва ли не единственными хранителями религиозной традиции.

И здесь вновь уместно вспомнить слова Н.А.Бердяева: «Темы русской литературы будут христианские и тогда, когда в сознании своем русские писатели отступят от христианства основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни. Русская литература будет носить моральный характер, более чем все литературы мира, и скрыто-религиозный характер» [11, с. 53, 54]. О религиозности, укорененной в языке, пишет А.В.Моторин: «В славяно-русском православном представлении важнейшими началами народности (свойствами народа) искони считались язык общения и Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 3 (28). 2020. 2 передаваемые этим языком дух, вера, мировоззрение, предания, обычаи народа. Для слова «народъ» самым существенным оказывается значение духовного объединения людей вокруг Христа» [4].

С этими идеями перекликается и установка О.А.Бердниковой, которая главным критерием для выделения духовной литературы видит четко определенный ценностный центр: цитируя Достоевского («истина и есть Христос»), исследователь пишет, что духовный поэт не ищет истины, поскольку он обладает ею, знает, что она есть, и что она «есть Христос» [9, с. 134]. Таким образом, в эстетической и философской мысли обоснована идея неразрывной связи русской ментальности с православным

миропониманием. Проявления этого типа сознания находят отражение и в литературе.

Свое творчество русские писатели осознавали как Промысел Божий. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть (Ин. 1:1) - это было аксиомой для русского писателя, аксиомой высочайшего предназначения словесности. Православный взгляд на литературу в самых общих чертах заключается в понимании литературы как некоего Божьего дара, позволяющего людям открывать непостижимую другими способами правду, которая может стать ступенью к высшей Божьей правде.

В своих произведениях художники слова разных эпох освещали вопросы веры. В начале XX века произошло обновление духовной составляющей литературного процесса. Имена С. Соловьева, В. Свенцицкого, С. Дурылина, иеромонаха Тихона были широко известны.

По-новому зазвучали онтологические темы у представителей Русского зарубежья: И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, И.А. Бунина и других. Религиозные тайны притягивали художников слова и в советскую эпоху, несмотря на официальный запрет познания метафизических сущностей.

В конце XX - начале XXI века возродился повышенный интерес к духовным аспектам в творчестве как секуляризованных, так и воцерковленных писателей. Религиозно-философские мотивы, сакральные темы становятся доминантными в многочисленных произведениях этой поры. Их авторы сформировали особый разряд прозы, который критики обозначили термином «православная проза».

Творчество протоиереев Саввы Михалевича, Николая Агафонова, Андрея Ткачева, Александра Коротаяева, Владимира Чугунова, архимандрита Тихона (Шевкунова), священников Ярослава Шипова, Александра Дьяченко заслуживает пристального внимания. Писателей-священнослужителей интересуют пути утверждения в вере, порабощенность греху и борьба с ним, пагубное влияние на людей

псевдокультуры, судьбы, искалеченные эпохой безверия, будущее страны.

Современная православная проза представляет собой разнообразный литературный жанр, охватывающий широкий спектр тем и затрагивающий различные аспекты жизни и веры. Она может включать в себя как религиозные мотивы и темы, так и общечеловеческие проблемы, и социальные вопросы.

Среди наиболее распространенных мотивов и доминирующих типов сюжетов в современной православной прозе можно выделить следующие:

– Тема веры и духовности: во многих произведениях современной православной прозы затрагиваются вопросы веры, сомнения, поиска смысла жизни, духовного развития и преодоления жизненных трудностей через веру, одним из ярких примеров является произведение протоиерея Александра Торики «Флавиан». Благодаря долгим интересным беседам с отцом Флавианом, его мудрым наставлениям, перед главным героем открывается огромный духовный мир, наполненный Божественным Светом и Любовью. Жизнь Алексея постепенно наполняется новым, подлинным смыслом. Те истины, которые раньше казались такими чужими и далёкими, становятся вдруг такими очевидными и родными! В тот день Алексей и представить не мог, какой крутой поворот судьбы ожидает его впереди! Эта встреча стала для него первым шагом на пути к новой жизни, полной удивительных открытий!

– Исторические сюжеты: некоторые произведения посвящены историческим событиям и личностям, связанным с православной церковью, древней историей христианства или жизнью святых, таким примером служит исторический роман протоиерея Николая Агафонова «Иоанн Дамаскин». Перед нами живой образ великого писателя и замечательного поэта VIII века – преподобного Иоанна Дамаскина. Действие романа разворачивается на драматическом фоне жестокого противостояния двух империй: христианской и мусульманской. Отец Николай живо и образно повествует о дворцовых интригах и

государственных переворотах, о кровавых сражениях и горячей молитве, о преданной любви и лютой ненависти, о высокой святости и низкой подлости.

– Семейные и межличностные отношения: многие произведения православной прозы обращаются к проблемам семейной жизни, любви, прощения, взаимопонимания и милосердия, в качестве примера рассмотрим рассказ Л. Улицкой «Счастливые». Главные герои произведения Берта и Матиас каждое воскресенье отправлялись на могилу к своему сыну, их объединяла любовь к сыну.

– Приключения и фэнтези: часть современной православной прозы представлена произведениями в жанре приключенческой или фэнтези литературы, в которых звучат те же общечеловеческие ценности, но через призму мифов и волшебных сюжетов, новая повесть протоиерея Александра Торики «Флавиан. Восхождение» продолжает цикл повестей о духовных исканиях и житейских открытиях Алексея и русского священника Флавиана. Второе путешествие по святым местам горы Афон и трудное восхождение на вершину, в храм Преображения, откроют Алексею и пытливым читателям многие тайны святых мест.

Таким образом, современная православная проза предлагает читателям разнообразные и глубокие сюжеты, затрагивающие важные аспекты жизни и веры, помогая размышлять над великими темами и находить ответы на вопросы, заботящие сердце человека.

Типология духовной прозы выстроена «на основе принципов организации художественного пространства». Это связано, по убеждению авторов, «с тем, что православная литература стремится изобразить взаимодействие двух миров: светского и церковного, при этом основное внимание уделяется более подробному изложению одного из них». В системе персонажей выделяются «эволюционирующий персонаж», «персонаж-помощник», «персонаж-искуситель», «персонаж-иллюстратор», образ праведника, юродивого, в повествовании – мотив чуда,

подчеркивается «миссионерский характер» прозы в целом.

На рубеже XX–XXI вв. в русской культуре произошло масштабное обращение к православию. Безусловно, это связано с отменой действующего с 1918 года декрета об отделении государства от церкви. Декрет был объявлен утратившим силу только в 1990 году, до этого времени почти восемьдесят лет продолжалась кампания по искоренению религиозных взглядов у советского народа и были предприняты попытки формирования новой идеологии.

В настоящее время в русской культуре наблюдается своеобразный ренессанс христианства, масштабное обращение к религиозным сюжетам и мотивам в целом, к образам святых, священнослужителей, верующих в частности. Как в кинематографе (П. Лунгин «Остров», «Царь», А. Прошкин «Орда», С. Антонов «Необыкновенные путешествия Серафимы»), так и в литературе (А. Торик «Флавиан», Я. Шипов «Райские хутора и другие рассказы», Т. Шипошина «Полигон»), внимание сосредотачивается на православных традициях, житийных сюжетах, актуализируются попытки осмыслить современность, человека как такового сквозь призму религиозных православных ценностей. Наряду с обозначившимся, условно говоря, православным художественным направлением происходит также диалог церкви и светской литературы в новейшей культуре.

Анализируя взаимопроницаемость границ между церковью и миром, еще Н. А. Бердяев прогнозировал возможные проблемы социальных отношений: «Все более и более вырождающееся монашество отрицает не мир, – мир этот контрабандным путем проникает в монашеский быт, варенья много в монастырях и мало в них «пепельной грусти» Евангелия, – монашество отрицает творчество, проникновение в этот мир иного мира. <...> Монашество погрязло в этот «мир», потеряло всякую связь с аскетической христианской миссией. <...> Всемирно-исторический смысл аскетической христианской мистики – в вызове всему порядку природы, в

противоборстве естественной необходимости, в обожении человеческой природы слиянием с Христом, в победе над смертью. Этот аскетизм христианских святых не был недоразумением или злом, он имел положительную миссию, имел космические последствия в деле мирового спасения. Но где теперь святые?» [11, с. 15]. Подчеркнем здесь, что в современной отечественной прозе, репрезентующей православную картину мира и разрабатывающей религиозные сюжеты и мотивику, правомерно, на наш взгляд, выделить две ключевые линии: во-первых, творчество светских писателей, обращающихся к православной тематике в связи с решением индивидуально-авторских художественных задач; во-вторых, собственно православную прозу, создателями которой являются действующие священнослужители и писатели, позиционирующие себя православными.

Художественные опыты православных писателей не так однородны, как это может показаться на первый взгляд, поэтому внутри православной прозы отметим важнейшие составляющие. И здесь, воспользуемся классификацией Н. Н. Гордиенко, которая, правда, применительно к современной поэзии выделила две типологические разновидности православной лирики: «православно-созерцательный и православно-воцерковленный типы духовно-поэтического творчества» [24, с. 6].

Эта же типология, на наш взгляд, вполне приложима и к современной православной прозе, в которой «творчество православно-созерцательного типа создается приверженцами православной традиции, но не ревнителями, а участливыми наблюдателями и созерцателями ее, жизнь которых протекает не внутри церковной традиции, а вне ее, хотя и в согласии с основными духовными импульсами, порождаемыми ею» [24, с. 7].

К этому типу вполне правомерно отнести прозу Ю. Вознесенской, М. Кучерской, Н. Сухининой, Ю. Шаманской, К. Певцова, А. Донских и др. К типу «православно-воцерковленному» правомерно отнести произведения

православной духовной прозы, «раскрывающие образ автора как деятельного участника церковной жизни, достигшего цельности и полноты религиозного бытия», живущих «внутри духовной традиции».

«Доминантой их мировоззрения является не просто религиозное, но церковное сознание, воссоздание самой реальности Церкви как высшей ценности бытия», соответственно характерными особенностями этого типа прозы будут «внутренняя причастность к литургической традиции, духовной

практике молитвы, опыту отцов Церкви, использование иконического пространства и литургического времени» [12, с. 9].

Православные мотивы присутствуют в творчестве Е. Г. Водолазкина, который определяет свой «Лавр» как роман-житие, создавая образ главного героя, решительно отвергающего жизнь после смерти любимой женщины и сына и посвятившего себя молитве за грехи. Задачу воплощения идеи жертвенности, служения ближнему и сострадания, пронизывающей роман, сам писатель формулирует следующим образом: «Я хотел рассказать о человеке, способном на жертву. Не какую-то великую однократную жертву, для которой достаточно минуты экстаза, а ежедневную, ежечасную жизнь жертву. Культ успеха, господствующему в современном обществе, хотелось противопоставить нечто иное. <...> Проблема описания "положительно прекрасного человека" чрезвычайно сложна. На современном материале решать ее почти невозможно, а если и возможно, то для этого нужно быть автором князя Мышкина. Я понимал, что, взятый с нынешней улицы, такой герой будет попросту фальшив. И я обратился к древней форме – к житию, только написал это житие современными литературными средствами» [33].

1.3 Иерейская проза как литературное явление

Что касается «иерейской прозы», то четкого определения пока сформулировано не было, но современным критиком, редактором раздела «Культура» православного журнала «Фома» Виталием Капланом остро поставлен вопрос: «Станет ли иерейская проза литературным явлением?» В своей статье В. Каплан ставит следующие вопросы: что такое иерейская проза? Требуется ли она особого отношения? И что общего в литературных произведениях священников?

Попробуем вслед за критиком ответить на эти вопросы в данном параграфе.

Истоки данного направления сформировались в XIX веке, когда в потоке светской литературы выделилось духовное направление, подробно разработанное в современном литературоведении А.В. Моториным: «Русские писатели и читатели видели в художественной, "изящной" словесности не столько развлечение, сколько учение о смысле жизни, выражение и действие определенного миропонимания» - пишет исследователь. Современные прозаики-священники понимают духовную суть слова и тот факт, что «с помощью слов отрицать существование духа и души нелепо...» [47, с. 29].

Такое обоснование приводит к осмыслению понятий «творческого "направления" и "слога"». Оставаясь в традиции религиозно-духовного наставничества, художники подводят к главной цели - пониманию «духовного водительства в мире. Отступление от этого призвания «равнозначно отступлению от судьбы и веры», — отмечает в своей работе о деревенской прозе Н.В. Ковтун, размышляя о В.Г. Распутине. Русский писатель видит будущее нации в «обретении потерянного духа», «религиозном единении». С особенной остротой это понимают писатели, имеющие священный сан.

Творчество протоиереев Саввы Михалевича, Николая Агафонова, Андрея Ткачева, Александра Коротаяева, Владимира Чугунова, архимандрита Тихона (Шевкунова), священников Ярослава Шилова,

Александра Дьяченко заслуживает пристального внимания. Служителей алтаря интересуют пути ут-верждения в вере, порабощенность греху и борьба с ним, пагубное влияние на людей псевдокультуры, судьбы, искалеченные эпохой безверия, будущее страны.

Скудные материалы о жизненном и творческом пути названных прозаиков можно найти на сайтах интернета. Их произведения выходят в разных издательствах: «Сретенский монастырь», «Сибирская Благовонница», «Благо», «Родное пепелище», «Никея», «Артос-Медиа», - в основном по благословению архиереев или Издательского совета Русской православной Церкви.

Во многих периодических изданиях публикуются рассказы священно-служителей: в журнале «Родная Ладога» иерея Ярослава Шипова, в журнале «София. Премудрость Божия» протоиерея Николая Агафонова, в журналах «Москва», «Наш современник», «Вертикаль», «Слово», «Роман-газета», «Дальний восток», альманах «Родное пепелище»; в газетах «День литературы», «Литературная газета» - произведения о. Владимира Чугунова. В журнале «Фома» до издания книги печатались выборочно очерки архимандрита Тихона (Шевкунова). Здесь же публиковались воспоминания мирян, знавших выведенных на страницах текста персонажей, имевших с ними непосредственное общение.

Так, мы видим, что священническая проза занимает значительную долю всей издающейся православной художественной литературы. Можно говорить о том, что творчество духовенства становится известно и в светской среде. О чем говорят многочисленные награды, которые завоевали книги священников: в 2005 году протоиерей Николай Агафонов получает Всероссийскую литературную премию “Хрустальная роза Виктора Розова”; книга архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые» в 2012 году вошла в список финалистов литературной премии «Большая книга» и победила в читательском голосовании, на III

Славянском литературном форуме «Золотой витязь» за нее присужден автору «Золотой диплом» (1-ое место). В 2012 года книга удостоена премии «Книга года» в номинации «Проза года». Обладателем «Серебряного диплома» стал протоиерей Владимир Чугунов за книгу «Плач Адама». Многие писатели-священники являются членами Союза писателей России.

Мы склоняемся к тому, чтобы такую прозу вполне можно считать знаковым явлением в современной литературе.

Само название этого явления «иерейская проза» неизбежно вызывает аналогию с так называемой лейтенантской прозой. Как, например. «лейтенантская проза» входит в состав «военной прозы», так и «иерейская проза» входит в состав «духовной прозы». Виталий Каплан в своей статье вполне справедливо указывает на мнение большинства людей, имеющее профессиональное отношение к литературе: ««Почему бы тогда не говорить о медицинской прозе, учительской или милицейской?» Они убеждены: талантливые писатели (как и бездарные) могут работать кем угодно - хоть пекарями, хоть аптекарями, поэтому и выделять творчество представителей некой профессии в отдельное литературное направление, и тем более считать его литературным явлением ни в коем случае нельзя. Произведения писателей-священников, говорят они, надо рассматривать только в общелитературном контексте и оценивать по общелитературным критериям, поскольку священный сан не дает никаких преференций в литературном труде» [34].

Лейтенантская проза не потому стала литературным явлением, что все ее авторы сказали новое слово в изящной словесности - разными они были, кто более, кто менее талантлив, но потому, что общим для них оказался новый на тот момент подход к изображению войны в советской литературе. Не масштабные полотна, не деяния великих полководцев - а взгляд из окопа, кровь, грязь, неоднозначность человеческих поступков, тонкая грань между подвигом и предательством. И то же можно сказать о

прозе «деревенщиков» - при всем различии в манере письма их объединял предмет рассмотрения. Не «как сказано», а «о чем сказано» и «зачем сказано».

Также есть общее и в прозе священников: это не жанровые особенности, а прежде всего, подход к герою. Да, они очень по-разному пишут, и в плане художественного инструментария, и в жанровом отношении (чаще - реализм, реже сказка и фантастика), но фокус их внимания сосредоточен примерно на одном и том же - на современном человеке в его отношениях с Богом. Причем внешней церковной атрибутики в этих произведениях может и не быть. Как правило, речь в них идет о жизни в провинции – в деревнях или маленьких городах, о простых людях со сложными судьбами. Это неслучайно – ведь авторы-священники (большинство из которых служат в провинции) обладают огромным опытом личностного общения, прекрасно знают жизнь современной русской деревни. Для «иерейской прозы» характерно стремление высветлить в душе героя доброе начало, которое связывает его с Богом. Поэтому даже чисто светский сюжет здесь все равно подается в духовной перспективе [38, с. 18].

Священники – люди с огромным жизненным опытом, причем это не только опыт исповеди, но и опыт тех обстоятельств, в которых священник оказался в силу своего долга. Ведь порой служителю алтаря приходится сталкиваться с большими трудностями. В своей прозе они отражают этот опыт общения с людьми, опыт преодоления трудностей. Все это сказывается на том, как автор видит своих героев. И это отношение к героям во многом диктуется не просто верой, а их профессиональным выбором, то есть священническим служением. Так, по мнению, Виталия Каплана, это прежде всего «трезвое» отношение: священник видит в своих героях и плохое, и хорошее. Священник понимает, что плохое неизбежно, грехи есть у любого человека, что даже святые при жизни не во всем были идеальны, но тем не менее священник понимает и другое, что никакой грех

не может полностью перечеркнуть человеческую душу, что у человека есть всегда шанс спастись. И этот шанс возникает не один раз в жизни, он существует постоянно, пока человек жив. Поэтому для священников характерно человеколюбие, которое распространяется и на героев произведений. Никогда священник не использует какого-то персонажа, даже эпизодического, чтобы его устами озвучить какую-то идею, или показать на нем что-нибудь хорошее или плохое – герой всегда будет не одномерен, к нему всегда будет самостоятельный интерес, обусловленный развитием сюжета.

При этом произведение может быть написано по-разному, не всегда хорошо стилистически, иногда – на переходном уровне между любительской литературой и профессиональной. Иногда это бывает очень профессиональной прозой. Иногда на стыке художественной прозы и мемуаристики. Порой некоторые произведения священников можно отнести к жанру исповеди. Как, например, книги воспоминаний протоиерея Артемия Владимирова («С высоты птичьего полета», «Мой университет», «Учительство»). Иногда это чистый вымысел, с большим чувством юмора, как у отца Николая Агафонова, отца Тихона Шевкунова. Иногда бывает очень жестко, как отца Александра Шантаева, особенно когда он пишет о трагических событиях, но тем не менее, общее одно – это вера в человека. Но не человека самого по себе, а в человека, который прибегает к помощи Божией.

Объяснить это можно тем, что «иерейская проза» – это не более чем продолжение священнического служения, пастырства, только вместо прямого высказывания используется художественное. Кстати, иногда пишущие священники именно так и считают. По мнению священника Ярослава Шипова, который еще до принятия сана был довольно известным писателем, «прозаические сочинения священнослужителей являются чаще всего не столько художеством, не столько произведениями искусства, сколько особой формой проповедничества».

Мы являемся свидетелями своеобразного культурного феномена, когда священник-автор начинает испытывать творческую потребность – писать, при этом делает это с большой ответственностью, так как служение Богу – это «стержень» его жизни. И свое творчество священник воспринимает в контексте своего главного служения. «Не думать о том, как отзовется его слово, пишущий священник не может. «Пожалуй, главное, когда написанное тобой, как камертон, отзывается в сердцах незнакомых тебе людей. И очень хочется, чтобы звучание этого камертона приближало человека к Богу», - говорит протоиерей Владимир Гофман, автор нескольких сборников прозы и поэзии».

Согласимся с тем, что подвиги священства и писательства не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга. И то, что этот феномен вызывает интерес светских критиков, современных исследователей, пишутся докторские и кандидатские диссертации, в научных журналах выходят статьи, затрагивающие эту тему – всё это неоспоримо доказывает, что «иерейская проза» справедливо считается современным сформировавшимся литературным явлением. При этом «творчество священников актуализирует действенное постижение «высшего смысла человеческого существования, онтологического статуса личности», мобилизует читателя на духовные искания, что было характерно для русской классической литературы. Жанр христианских рассказов, без сомнения, имеет нравственную и художественную ценность. Этот пласт литературы помогает ориентироваться в современном обществе, с его «новой культурой», апофеозом плотских желаний, направляет на путь к жизни, основанной на евангельских идеалах». Ведь, по мнению протоиерея Артемия Владимирова «современный человек ждет именно живого, человеческого слова о правде и любви, страстях и покаянии, выборе жизненного пути и крестоношении».

Выводы по первой главе

Кандидат филологических наук И.С. Леонов дает следующее определение православной прозе: «Духовная проза — это пласт художественных произведений религиозно-церковной тематики, авторами которой являются как священнослужители, так и верующие светские писатели. В качестве синонима может употребляться термин православная проза, более конкретно подчёркивающий конфессиональную принадлежность её создателей».

Православная проза составляет важную часть отечественной литературы рубежа XX–XXI вв. и отражает существенную тенденцию в эволюции литературного сознания эпохи – рецепцию и специфическую интерпретацию религиозных традиций русской классики XIX–первой половины XX вв. (идеи христианской любви, соборности, всепрощения).

Источником формирования современной православной русской прозы становится древнерусская словесность, которая не только выработала систему православного мировоззрения, православную картину мира, но и дала большой пласт агиографической литературы, а также «религиозный» дискурс русской словесности XIX–XX вв. (творчество Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелева).

Современная отечественная проза, репрезентующая православную картину мира и использующая околоцерковную мотивику, воплощена в двух ключевых направлениях: творчество светских писателей, обращающихся к православной тематике в связи с решением индивидуально-авторских художественных задач, собственно православная проза, создателями которой являются действующие священнослужители и писатели, позиционирующие себя православными.

Глава II. Специфика сборника рассказов протоиерея Николая Агафонова «Преодоление земного притяжения»

2.1. Христианские идеалы автора в цикле рассказов «Преодоление земного притяжения»

Христианские идеалы часто отражены в литературе как важная тема, вдохновляющая на мудрость, сострадание, прощение и любовь. Стремление к духовной гармонии, поиску истины и духовному совершенству часто занимают центральное место в произведениях, отражая основные принципы христианства.

В литературе можно встретить образы смиренного и сострадательного героя, который идет по пути духовного преображения и покорения своих страстей. Такие произведения могут показывать важность моральных устоев, веры, надежды и любви как основы для духовного развития и преодоления жизненных трудностей.

Христианство также часто вдохновляло писателей на создание аллегорий и сказочных образов, символизирующих духовные ценности и борьбу добра со злом. Произведения, основанные на христианских убеждениях, могут призывать к милосердию, благотворительности и духовной прозрению.

Когда-то Ф.М. Достоевский сказал: «Русский человек без Христа-проходимец». Федор Михайлович Достоевский - один из гениальных писателей девятнадцатого столетия. Это автор, который всегда будет популярен, а герои его книг останутся вечными образами... Мир героев Достоевского разнообразен и широк - с одной стороны, а с другой – ссужен беспредельностью бескомпромиссной судьбы. И в сумрачных «дворах-колодцах», и в «маленьких комнатках» с их нестерпимым холодом нет-нет да и появится новый Родион Раскольников, пытающийся

найти выход из замкнутого круга невыносимо запутанной неприглядной российской действительности. И он также будет искать ответ на извечный гамлетовский вопрос «быть или не быть?», пытаясь изменить несправедливо устроенный мир. И снова, в который раз, всё закончится только одной мукой, страданиями, обреченностью и поисками дороги к храму. В романе «Преступление и наказание» писатель показывает, что Раскольниковым руководит гордыня - один из самых страшных грехов в христианстве. Именно она подталкивает Родиона совершить страшное убийство, манипулировать судьбами других людей.

Эпизод, в котором Родион Раскольников и Соня Мармеладова читают Евангелие, является центральным в произведении Достоевского. Одним из ключевых эпизодов "Преступления и наказания" является тот, в котором Соня Мармеладова читает Раскольникову описание одного из главных чудес, совершенных Христом, описываемых в Евангелии, - о воскрешении Лазаря. "Иисус сказал ей: Я есть воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет, и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Веришь ли сему?" Соня, читая эти строки, думала о Раскольнике: "И он, он - тоже ослепленный и неверующий, - он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! Сейчас же, теперь же". Раскольников, совершивший злодеяние, должен уверовать и покаяться. Это и будет его духовным очищением "воскресением из мертвых". Дрожа и холодея, повторяла Соня строки из Евангелия; "Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь, иди вон. И вышел умерший". Именно после этого эпизода Раскольников предлагает Соне "идти вместе", совершает покаяние на площади, является с повинной.

Введя легенду о воскрешении Лазаря в свой роман, Достоевский хотел показать, что возрождение возможно для любого человека, даже для самого падшего грешника.

Поэтому в эпилоге романа происходит духовное воскресение Родиона Раскольникова.

В романе Достоевского “Идиот” князь Мышкин – “невоскресший Христос». Сам Достоевский называет его Князем Христом. Это не евангельский Сын Человеческий, но лучшее творение Бога - человек в свете Высшей Красоты, во всем подобный Христу, если таковой мог когда-либо быть; идеальная личность князя Христа, невозможная в реальной жизни, но по воле писателя родившаяся в литературе, это не Вторая Ипостась, потому что в нем отсутствует божественная природа.

Образ Князя Христа - ответ Ренану на его книгу “Жизнь Иисуса”, в которой французский протестантский писатель и «богослов» изображает Спасителя прекрасным мечтателем, добрым и по-детски наивным человеком, отнюдь не являющимся Сыном Божиим Единородным. Достоевский по ходу действия романа подвергает своего любимого героя беспощадным испытаниям, что, собственно, характерно для писателя, часто посылающего своих персонажей в самое пекло земных страданий для того, чтобы каленым железом была испытана их совесть. Титул князя, как нечто возвышающее, в сочетании с фамилией Мышкин, низводящей высоту до самого уничижительного состояния, символизирует идею Достоевского о пришествии в мир Того, Кто, несмотря на Свое высокое звание, Сам Себя унизил и принес в жертву. Княжество Мышкина, как образа Христа, не от мира сего. Он князь не по сомнительной родословной, но по духу – появившийся ниоткуда. Не имеющей ни биографии, ни родства, он подобен ветхозаветному Мелхиседеку, царю Салима, который был священником Бога Вышнего, не людьми поставленный на это служение, но самим Духом, Который дышит, где хочет. Но Мелхиседек прообразовал собою Христа, истинного Первосвященника, спустившегося с небес. Также и Достоевский дал князю Христу фамилию Мышкин для того, чтобы подчеркнуть, что истинное величие никогда не кичится, но великодушно смиряет себя перед людьми.

Для Ф.М. Достоевского идеал, идеальное – понятия, выражающие представление о высшем совершенстве, духовным идеалом автора был

Христос и христианское вероучение. Еще в 1854 г. писатель сформулировал свой «символ веры»: «...верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревливой любовью говорю себе, что и не может быть» (28₁; 176). Достоевский верил, что природа Христа богочеловечна. Явление Христа — это богоявление, открывшее человечеству путь к спасению и вечной жизни. Согласно Достоевскому, мир и люди в нем в сущности своей прекрасны, поэтому задача искусства сродни задаче религии — помочь людям обрести духовное зрение. Религия была для него основой нравственной жизни. И это так. Макар Долгорукий, Соня Мармеладова, князь Мышкин, Алеша Карамазов — величайшие художественные воплощения христианского идеала. Христос для них олицетворяет высшие земные добродетели: самоотверженность, гуманность, истинную высшую нравственность, гармоничную личность.

Идея спасения является основным содержанием христианского искусства. Таким искусством и обладал Ф.М. Достоевский, показывая своих героев. Их безнадежное положение и в конце концов духовное преображение и спасение.

Продолжая эпоху Достоевского таким искусством обладал отец Николай Агафонов.

Отец Николай Агафонов — один из наиболее известных православных священников-писателей, лауреат литературных премий. В его рассказах нет прямых назиданий, но его герои, безусловно, запомнятся читателю: ведь это люди, которые вселяют веру в добро, в любовь и в Бога. Автор точно передает дух прошедшего столетия (гибельных 30-х годов, подаривших надежду 80-х, бурных 90-х) и нынешнего сложного XXI века. Произведения отца Николая объединяют внимание к жизни души, поиск ответов на главные вопросы бытия — о смысле жизни, о Боге и человеке.

Отец Николай однажды сказал: «Чудесное всегда с нами рядом, но мы не замечаем Его. Оно пытается говорить с нами, но мы не слышим, наверное, оттого, что оглохли от грохота безбожной цивилизации. Оно идет с нами рядом, дышит нам прямо в затылок. Но мы не чувствуем Его, ибо наши чувства притупились бесчисленными соблазнами века сего. Оно забегает вперед и заглядывает прямо в глаза.

Но мы в упор не видим, так как ослеплены своим ложным величием, величием человека, могущего горы переставлять без всякой веры, лишь с помощью бездушного технического прогресса. А если иногда мы это Чудесное увидим, то спешим обойти Его стороной, сделать вид, что не заметили, так как в тайнике своего существа догадываемся, что хлопот с Ним не оберешься. На подсознательном уровне мы понимаем, что, приняв Это Чудесное как реальность нашей жизни, мы должны изменить и свою жизнь. Расстаться со всем привычным и уютным. А вот это-то тяжелее всего.

Современного человека почему-то более интересуют бесконечные глубины холодного космоса, чем глубины собственной бессмертной души. Его волнует вопрос, есть ли условия для каких-нибудь форм биологической жизни на Марсе, но при этом он не задает себе вопросы, есть ли жизнь после смерти, а если есть, то какие условия этой жизни? Для того чтобы выйти в открытый космос, летательному аппарату необходимо преодолеть земное притяжение. Человек научился преодолевать это притяжение, сжигая первую, вторую, а затем и третью ступени ракетоносителя.

Но еще задолго до начала эры космонавтики Церковь научила человека преодолевать греховное притяжение, выводя его к высотам Царства Небесного. Для этого также необходимы три ступени: вера, надежда и любовь. Герои моих рассказов в разной степени, но все же пытаются преодолеть притяжение греха, а уж как это у них получается – судить вам, мои дорогие читатели [51].

Протоиерей Николай Агафонов автор нескольких сборников рассказов и двух исторических романов. Сборник рассказов протоиерея Николая Агафопова "Неприкаянное юродство простых историй". Он состоит из трёх частей: "Преодоление земного притяжения", "Неприкаянное юродство простых историй" и "Непридуманнные истории". Рассказы в нём разные - и смешные, и с грустинкой. Но все — светлые, радостные, укрепляющие. Но и не елейные, некоторые - даже наоборот... И дело не только в том, что автор книги - священник и большинство его рассказов основаны на собственном опыте, но и в её несомненном художественном достоинстве и ярком духовном реализме.

Едва ли не впервые мы читаем о нашей церковной жизни, и не давно прошедшей, а нынешней, слово без прикрас писанное, - все тут узнаваемо, "все как есть", - воскликнет всякий, кто знает церковную жизнь изнутри. Название для книги подобрано очень удачно, - вся наша жизнь, не придуманная, не прикрытая зачастую наигранным благочестием, а именно простая жизнь, - является неприкаянным юродством. Такая она у ученых с мировым именем, и у архиереев, у бизнесменов, у молодых монахов, у тиранов, владевших всем миром, и у самых последних нищих, - героев рассказов отца Николая. Но именно в этом юродстве и светится правда Божия. Автор книги помогает ее увидеть.

Остановимся подробнее на цикле рассказов «Преодоление земного притяжения», который содержит разнообразные христианские идеалы, связанные с духовным развитием, победой над соблазнами мира и стремлением к высшим целям. В нем отражены темы прощения, сострадания, любви к ближнему, жертвенности и самопожертвования — основные принципы христианской этики.

Сборник рассказывает о том, как люди, руководствуясь своей верой и принципами христианства, преодолевают трудности, искушения и соблазны, приближаясь к Божественной истине и своему духовному

предназначению. Они выявляют важность моральных ценностей, смирение перед высшей волей, духовное очищение и поиск истины.

Каждый рассказ в сборнике призван донести до читателя определенное учение или мудрость, которые могут пролить свет на путь к духовному совершенству и пробудить внутреннее стремление к более глубокому пониманию своей веры и своего места в мире.

О том, как рождаются книги, однажды наглядно явлено было протоиереем Николаем Агафоновым, который был не только известным и любимым многими прихожанами священнослужителем, но и известным писателем, лауреатом «Патриаршей литературной премии». Зашёл в одном собрании разговор о Куликовской битве и о её значении для России. Конечно, вспомнили и благословение преподобного Сергия Радонежского и то, как он отправил на битву двух монахов – Пересвета и Ослябю, которым вообще-то по церковным канонам брать в руки оружие было нельзя.

И тут отец Николай как-то возмутился духом заявив, что собравшиеся не совсем осознают, в чём же подлинный подвиг Свято-троицких монахов.

Он качнул рукой, словно открывал некую завесу и собравшимся и впрямь показалось, что они увидели далёкое Куликово поле и стоящих в тревожном ожидании воинов. И огромного Челубея, как его описывают летописи, гордо разъезжающего и похваляющегося перед русским строем. Никто не решался выехать с ним на поединок. Все знали, что у Челубея больших размеров мощное копьё и он всегда первым успевает ударить и сшибить с коня соперника. И тогда из русского воинства выехал Пересвет. По сравнению с Челубеем он смотрелся мальчишкой перед великаном, как Давид перед Голиафом. Чёрные монашеские ризы, казалось, только ещё больше умаляют Пересвета. Но ещё больше умаляло его отсутствие под ризами ратных доспехов, которые он снял перед выездом на поединок. Челубей не знал об этом, он видел перед собой худого чёрного человечка и

поскакал на него. Но когда могучее копьё Челубея, не встретив никакого сопротивления, как нож сквозь масло, прошло сквозь тело русского воина и тот не упал с коня, Челубей растерялся, а Пересвет успел нанести решающий удар. Челубей упал под копыта коней и, как пишут летописи, испустил дух. А Пересвет, с так и застрявшем в теле копьём, вернулся в ликующий русский стан. Воины расступились и затем сомкнули ряды. И только тогда Пересвет упал с коня. Все видели: русский воин победил и вернулся в своё войско. И это стало залогом общей победы!

Отец Николай обвёл всех торжествующим взглядом, словно это он только что стоял среди русских воинов на Куликовом поле, и объяснил всем, что в том-то и подвиг Пересвета: он, сняв доспехи перед поединком, шёл на верную смерть, а нет больше той Любви, если кто положит душу свою за други своя.

А чуть позже протоиерей Николай Агафонов выпустил книгу «Ратные подвиги православного духовенства», которая начинается именно с этого рассказа – о подвиге монаха-воина Пересвета.

«В своих рассказах я постарался максимально изобразить судьбы простых людей, людей верующих и тех, кто ещё только находится на пути к церковной ограде. Людей разных, противоречивых... Так, например, в рассказе «Разведчик» опытный чекист, работающий в тылу врага, случайно встречает священника, некогда отправленного им на Соловки. Но теперь их объединил общий враг – враг нашего Отечества. И вот коммунист-разведчик приходит к вере в Бога... С другой стороны, в этой войне победил не просто советский солдат, но солдат православный. Ведь большинство воевавших молодых людей вышли родом из русской глубинки, где в 1920-е годы, годы их детства, ещё оставалось достаточно много незакрытых храмов. Да и после закрытия церквей ещё долгое время дух деревенского воспитания оставался православным» [51].

Русский поколенческий разлом проявился уже десятилетия спустя после Великой Отечественной, когда стали уходить в Вечность первые...

некрещёные старики. И отец Николай делал всё, чтобы их было меньше: его книги и проповеди привели ко Христу множество людей разных поколений. Повторюсь, «книги и проповеди», ведь батюшка, в первую очередь, был не только писателем, но именно священником, пастырем и проповедником.

Рассказ «Красное крещение» является одним из лучших исторических произведений, где описывается жизнь духовного народа в тяжелое революционное время. Автор показывает нам две стороны «полотна». Это ценность человеческой жизни и братоубийственная война. Революционная эпоха стала страшным безумием для всего православного народа. Это была постоянная борьба не только с духовным населением, но и с самим Богом.

Поэтому созданное атеистическое государство, полностью ввергнутое во тьму, давало страшные плоды. Убийства ни в чем неповинного православного народа, верующего во Христа. Раскулачивание хозяйств и ссылка людей в отдаленные районы страны, без права на возвращение. Но и это всё не страшило русский народ. Он продолжал молиться. Ни при каких условиях не отрекаясь от веры.

В рассказе «Красное крещение» отец Николай Агафонов показывает читателям таких людей, которые искренне верили в Бога. На примере своих героев писатель раскрывает значение веры для народа.

«Человек, отказавшийся от Бога, лишь умножит свои скорби. Молитесь братия, ибо близок час испытания нашего»-говорил отец Таврион. Здесь герой рассказа настоятель монастыря архимандрит Таврион наставлял людей готовится к худшему, но ни в коем случае не останавливать молитву, потому что если не они, то кто будет бороться с супостатами. Пока продолжается война, пока коммунистическая идеология бесчинствует, оставляя за собой кровавый след, то лишь молитва может наполнить душу спокойствием и умиротворением.

Несмотря на всю силу и страх красноармейцев «душа просится на подвиги». Таким юным и отважным предстал перед нами другой герой повести – молодой алтарник Степан. Он еще настолько мал, но мыслил как взрослый человек, наверное, это было сказано тем, что его родители рано отправились на войну, также он пережил убийство звонаря Иеронима и настоятеля отца Тавриона. Степан готов умереть за веру, он ничего не боится. Сбежав с монастыря, его ждут новые «страшные» приключения. Даже под страхом давления, когда красноармейцы просили отречься от Христа, Степан не испугался, он твердо хранил веру в Бога, юноша произнес слова молитвы: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго» , что очень разозлило красноармейцев.

2.2. Специфика духовной трансформации героя в рассказах «Утешение в старости» и «Отшельник поневоле»

Идея спасения человека, восстановления в нем образа Божия доминирует в большинстве произведений современных православных писателей. Остановимся на рассказе протоиерея Николая Агафонова «Утешение в старости», который полностью раскрывает важнейшие моменты внешней и духовной жизни героя.

Писатель показывает прошлое и настоящее главной героини рассказа Марии Ивановны, обращает внимание читателя на тяжелое детство Марии Ивановны. Постоянные переезды, нужно было прокормить семью, отец подвергся «раскулачиванию». Особое унижение девочка переживает, когда с ее плеч буквально снимают полушубок. Порой только молитвы бабушки спасали девочку на тяжелом пути.

Про Веру Семеновну мы знаем, что в молодости она была активной комсомолкой и принимала участие во всех комсомольских мероприятиях, в том числе и антирелигиозного характера.

Важную символическую роль в судьбах обеих учительниц играет образ родовой семейной иконы, отношение к которой предопределяет дальнейшее развитие жизни персонажей. В молодости каждая сталкивается с ситуацией выбора в отношении родовых икон. Мария Ивановна испытывает неловкость перед коллегами-атеистами за то, что у нее в доме стоит икона, но прислушивается к словам мужа: *«Нет, Маша, эта икона – благословение матери, и я ее никуда не отдам»*. Таким образом, икона остается в доме учительницы.

Иным способом обошлась с иконой комсомолка Вера Семеновна.

Вспоминая далекие годы, она с сожалением признается подруге: *«Я ведь, Маша, в юности иконы наши семейные снесла на костер комсомольский, безбожный, и плясала вокруг этого костра вместе со всеми. Пляшу, якобы радость выражаю, а у самой сердце щемит и тоскует, а я еще сильнее пляшу и хохочу, чтоб сердце свое не слышать»*. Страшное воспоминание.

Отношение к семейным иконам, выбор, сделанный женщинами по отношению к святым образам, во многом определили дальнейшую судьбу каждой.

В дальнейшем жизнь становится буквально обыкновенной - вне-религиозно-христианского мировоззрения – полное отсутствие Бога в душе героини. В сознании Марии Ивановны отсутствует Бог, что приводит ее к страданиям за ранее совершенную ошибку. Ошибка состоит в неправильном воспитании детей, хотя сама Мария Ивановна была учителем, в своей семье она оказывается чужой: *«На смерть себе немного отложила, так к этим деньгам подбираются. Третьего дня Клавка прямо под нос сунула порванные ботинки. Вот, мол, полюбуйся, в чем у тебя внук ходит. Что же делать? Полезла в свои «гробовые», справила Ваське*

обувку. Зять, который уже день намекает, что нужны деньги на починку машины. Пыталась отмалчиваться, но тут дочка вспыхнула: «Что же мы, мама, думаешь, не похороним тебя? Не бойся, здесь лежать не оставим!». Очень уж в последнее время грубо стала разговаривать Клава со мной. Да и внук тоже хорош, даже спасибо бабушке за ботинки не сказал. Придет из школы, включит свою музыку на полную катушку, хоть из дому беги».

Смерть мужа, жизненная суета, превратившаяся в греховность. Казалось бы, ничего уже не могло спасти душу человека, героиня полностью потеряла веру в Бога, она забыла молитву, которую когда-то ей пела бабушка. Ее дом был похож на обыкновенное жилище: полное отсутствие икон, единственная икона, оставшаяся у нее от мужа, лежала в сумке.

Близкая ситуация разворачивается в доме Веры Семеновны. Ее дочь —

Татьяна — постоянно упрекает мать в том, что не сложились ее личная жизнь, что будто бы она повлияла на развод Татьяны с мужем. На определенном этапе конфликт матери и дочери достигает высшей точки напряжения, что приводит Веру Семеновну к попытке самоубийства: она выпивает бутылку с уксусом.

И только Бог может спасти наших героинь, и они ступают на верный путь. Идея спасения заключалась в переходе от неверия к вере. Этим спасением мог стать только верующий человек. И мы узнаем о священнослужителе отце Димитрии, который когда-то был обычным мальчиком Димой, учеником Марии Ивановны и стал ключом к спасению и очищению души ее. Приобщению Марии Ивановны к вере способствуют возникающее в ее душе чувство сострадания, желание помочь испытывающей

А Вера Семеновна, страдая физически и духовно, ощущая над собой власть черного человека, прибегает к таинствам исповеди и причастия.

Мы видим, что для Марии Ивановны, финал открыт, так как показываются лишь первые шаги персонажа к обретению веры. Но она вспоминает ранее забытую молитву «Богородица Дева, радуйся»: *«И уже рядом с отцом Димитрием сидела не старушка, а пробудившаяся от долгого сна девочка Маша из далеких голодных тридцатых годов. Эта маленькая девочка подхватила пение молитвы: «Благословенна ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»*

Намечается и частичное преодоление конфликтной ситуации в семье Марии Ивановны. Возникает ощущение, что вспомнившаяся молитва связывает разрозненные в атеистические годы поколения и происходит простое чудо *«В это время из школы возвращался Василий, который к своему великому удивлению увидел, как в «жигулях» напротив их подъезда его бабушка сидит с бородатым священником и поет молитву. Бабушка его не заметила, а он разглядел ее лицо: оно сияло счастьем и покоем. – Какая у меня молодая и красивая бабушка, – подумал Вася».*

Героиня находится на начальном этапе своей духовной эволюции. Специфика этой эволюции в современной православной литературе определяется перерождением человека: от неверия к вере (полным или частичным).

Автор прекрасно изображает человека в вечном пространстве духовной борьбы, то беспомощного, безвольного, не умеющего найти путь к Источнику сил, то чудным образом обретающего животворящий свет и спасение. Для него все случайность, совпадение, неожиданность, неопределенность. С первых строк рассказа внимание читателя включается в события, и душа начинает сотрудничать.

Уникальным является рассказ протоиерея Николая Агафонова «Отшельник поневоле», сочетающий несколько типов нравственной эволюции человека. В центре произведения находятся два персонажа, каждый из которых проходит индивидуальный путь собственного

духовного возрастания, однако их внутренняя трансформация была бы невозможна без деятельного участия в жизни друг друга.

Главными героями рассказа «Отшельник поневоле» являются иеромонах Никифор и врач-хирург и несостоявшийся бизнесмен Анатолий. На примере судьбы священника показана реализация моделей «формальная религиозность – истинная вера», а духовный путь Анатолия соотносится с моделью «неверие – начальные попытки духовного поиска».

Иеромонах Никифор преодолевает сложнейшие испытания, сомнения, отчаяние, граничащее с потерей веры, а затем возрождение и обновление. Духовный конфликт священнослужителя обусловлен рядом внешних и внутренних причин. К внешним факторам относится резкое и неожиданное изменение жизни главного героя, который решением монастырского начальства был направлен в не приспособленную для проживания ветхую лесную избушку для организации в ней скита. Отсутствие элементарных условий, потеря связи с внешним миром, одиночество и болезнь – все это ведет Никифора к ослаблению веры и серьезным сомнениям в справедливости Божьего промысла: *Господи, да что же это творится, в чем же я виноват? Я ради Тебя оставил этот мир, шел к тихой и безмятежной жизни. А теперь что же получается – я никому не нужен. Ради чего я здесь?* [1, с. 67]. О кризисе веры, произошедшем в душе героя, свидетельствует и его поведение: он теряет интерес к молитве, отказывается от совершения литургии в праздник Успения и, наконец, залпом выпивает бутылку кагора, предназначенную для совершения таинства Евхаристии. При всей значимости внешних факторов подлинной причиной духовного кризиса отца Никифора становится ряд внутренних противоречий, из-за которых священнослужитель оказывается не в состоянии на первом этапе принять возложенную на него миссию.

Характер этих противоречий раскрывается с помощью следующих сюжетных ходов:

- а) обращение к прошлому персонажа;
- б) включение в произведение мотива сновидения.

Благодаря фрагментам биографии монаха читатель узнает об истинных причинах прихода молодого человека в монастырь. Подлинной мотивацией для столь решительного поступка становится разочарование в жизни и в людях, вызванное обидой: Степану (мирское имя Никифора. – *И.Л.*) пришлось столкнуться с изменой любимой девушки. Таким образом, импульсом к принятию монашеского пострига становится желание не служить Богу и ближнему, а уйти от ближнего, спрятаться за церковной оградой, противопоставить себя грешному миру.

Столь субъективное восприятие иноческого служения отражается и во сне Никифора, который передается в начале произведения. Здесь герой видит себя умершим невидимо для людей присутствующим на собственном отпевании. В первую очередь его волнует реакция других монахов на его кончину. Разочарование Никифора вызвано тем, что каждый из его собратьев занят своими мыслями и не сокрушается видимым образом о смерти Никифора. Подобный сон раскрывает психологию сосредоточенного исключительно на собственном Я человека.

Благодаря этим приемам становится очевидной стартовая позиция духовной эволюции героя, отраженная в начальном элементе формулы «формальная религиозность – истинная вера». Однако противоречивое и несколько ошибочное первоначальное понимание отцом Никифором смысла собственного монашеского и священнического служения подвергается корректировке благодаря ряду факторов, определивших специфику его нравственной эволюции. К этим факторам следует отнести встречу с чудом, появление персонажей-помощников, обращение к молитве и совершению богослужений в скиту. Встреча с чудом происходит в наиболее тяжелый для иеромонаха момент, когда его физические и духовные силы оказываются на исходе, а в сознании начинают рождаться мысли о смерти: *«Умри я сейчас, – подумал отец*

Никифор, – этот лес также равнодушно будет шуметь над моим прахом, словно меня вовсе здесь не было» [1, с. 79].

Физические и душевные страдания постепенно приводят отца Никифора к пониманию того, что только Бог может помочь ему в данную минуту. В облике героя появляются черты ребенка, убежденного не только в возможности чуда, но и в его необходимости: *Он сел на упавшее дерево и расплакался, можно даже сказать, разрыдался, как малое дитя. Так сидел он и плакал, но постепенно его рыдания становились все тише, наконец, перешли во всхлипы: <...> «Господи, я не сойду с этого места, пока не явишь мне чудо. А не явишь, так и умру здесь, потому как жизнь моя без чуда Твоего не имеет уже никакого смысла» (Там же). В этот момент происходит встреча отца Никифора с Анатолием, а через него – с жителями забытой и почти вымершей деревни, что с точки зрения христианского мирозерцания трактуется не как случайное обстоятельство, а как чудо, посланное по молитве священника. Эти персонажи выполняют в произведении роль персонажей помощников, функция которых не ограничивается исключительно созданием бытовых условий для священника и скита. Общаясь с этими людьми, отец Никифор начинает осознавать, что его появление в лесу – это не случайность, а промысел Божий, приведший его сюда для духовного руководства живших неподалеку стариков. Первые эмоциональные порывы, вызванные потерей привычного покоя и столкновения с бытовыми трудностями, постепенно проходят; герой анализирует ситуацию с позиции вдумчивого богослова и опытного священника. К нему приходит осознание, что смысл монашеского послушания заключается не в бегстве от людей, а в несении им любви, помощи, приобщении к Божьим заповедям. Это понимание отражается в размышлениях персонажа о собственной жизни и монашеском предназначении: Разочаровавшись в несовершенной земной любви, я устремился__ к совершенной – небесной. Но так и не постиг ее сокровенной сущности, потому как продолжал измерять ее земными*

мерками. Монашество я воспринял только как красивую форму иной жизни, думая, что она отличается от пошлой действительности лишь этой внешней формой. И что же в результате? Столкнувшись с первыми трудностями, сразу раскис, впав в смертный грех уныния (Там же, с. 85).

Важным моментом перерождения священника становится усиленная молитва – чтение покаянного канона, с которого начинается новый этап жизни персонажа. Прежде, недооценивая призывы наместника к молитве и совершению регулярных богослужений, отец Никифор особое внимание уделял хозяйственным заботам и налаживанию бытовых условий в скиту. Однако на этом пути он встречает череду непреодолимых препятствий: так, ремонт крыши оборачивается для него падением и травмой ноги, а приготовление пищи – отравлением. По мысли автора, главными для монаха являются искренняя и сердечная молитва, надежда на Бога, способного укрепить человека в самых тяжелых и, на первый взгляд, неразрешимых жизненных ситуациях. Анатолий – еще один ключевой персонаж повести «Отшельник поневоле». Его образ раскрывается сквозь призму модели «неверие –начальные попытки духовного поиска». В первые часы его знакомства со священником он заявляет о себе как об атеисте и использует по отношению к отцу Никифору не типичное для православной среды обращение *святой отец*, которое превращается в некий опознавательный знак далекого от веры человека. В то же время его характеризуют доброта и отзывчивость, которые он проявляет по отношению к попавшему в беду священнику.

Постепенно в героя просыпается интерес к религиозной традиции, который пока еще не свидетельствует о приобщении его к вере. Ключевое место в произведении занимает спор отца Никифора с Анатолием по поводу присутствия неверующего человека во время кульминационного момента богослужения – литургии верных. Категоричный запрет на это иеромонаха сформулирован следующим образом: *Но вы не верите в Бога, значит, нарушили обеты крещения, потому не можете относиться к*

числу верных... (Там же, с. 95). Такое замечание не столько обижает, сколько разочаровывает Анатолия (впервые испытавшего подсознательный, едва уловимый интерес к православному богослужению) и заставляет его на время покинуть нового знакомого. Однако через какое-то время он вновь возвращается к священнику, к познанию ранее закрытого для него мира веры. Перенесенные испытания, неудачи в бизнесе, потеря семьи, бегство от кредиторов наталкивают Анатолия на размышления, в которых проявляется недоумение и отчаяние: *Почему Бог так несправедлив: одним – все, другим – ничего? А если бы ребенок невинный пострадал? Почему же Бог такое допускает?* [1, с. 100]. Попытка выяснить этот вопрос у священника, ставшего ему товарищем, свидетельствует о желании Анатолия понять христианский взгляд на окружающую действительность. Очевидно, что иеромонах и врач являются одновременно антагонистами и в то же время – очень похожими друг на друга. Они обладают различным мировоззрением: один – представитель естественной науки, медик, другой – обладатель священного сана.

Однако к финалу произведения эти персонажи сближаются. Во-первых, каждый из них переживает период серьезных испытаний, которые в конечном итоге меняют судьбу и определяют характер дальнейшей нравственной эволюции. Во-вторых, оба героя начинают постепенно осознавать, что их случайное знакомство необходимо и тому и другому, поскольку возводит каждого на новую ступень понимания окружающей действительности и своего места в мире. Иначе говоря, их знакомство становится для каждого отправной точкой духовной эволюции.

В этом смысле знаковой является финальная реплика иеромонаха Никифора, обращенная к Анатолию: *Я – человек верующий, потому не верю в случайные встречи. Бог свел нас в этом забытом людьми уголке, значит, мы нужны друг другу. И уж, конечно, оба мы нужны Богу* (Там же, с. 101). Таким образом, специфика рассказа протоиерея Николая

Агафонова «Отшельник поневоле» основана на раскрытии темы духовной эволюции человека в двух аспектах: зарождении внутренней потребности в вере и переходе от формальной религиозности к истинной вере и идее служения Богу и ближнему.

2.3. Мотив чуда в произведениях протоиерея Николая Агафонова

«Чудо» - это категория философии и понятие, принадлежащее к церковной культуре. Христианское понимание чуда в русскую культуру пришло с церковно-славянскими переводами священных текстов Нового Завета. Они описывают чудеса, совершенные Иисусом Христом, но редко обозначаются данным словом.

Чудо в христианской культуре – это сверхъестественное непостижимое событие, нарушающее известные законы природы и случающееся как проявление милости Бога в ответ на усиленную молитву или соприкосновение со святыней. Это «победа Божественной воли над природой и «естеством», прорыв из мира сверхъестественного в естественное, из мира благодати в мир природы».

Чудо – это знак, знамение, одна из форм откровения, а свершителем такого чуда может быть только Бог или Божия Матерь, ангелы. Но отношение к чудесам в христианстве неоднозначно. Чудо, не подкрепленное истинной верой, благочестивостью, становится ложным. Так, священник иерей Иоанн Сорокин подчеркивает: «И наша вера может укрепляться чудесами, но для истинной православной веры чудеса не требуются. Поэтому не стоит придавать им в своей духовной жизни слишком большое значение. Стремление к чуду - это нездоровье души, неверие в Бога и Его добрую волю по отношению к нам».

И, напротив, в предисловии к книге «Дорога домой» протоиерей Николай Агафонов пишет: «Чудесное всегда с нами рядом, но мы не

замечаем Его. Оно пытается говорить с нами, но мы не слышим, наверное, оттого, что оглохли от грохота безбожной цивилизации».

Чудо в православной прозе может восприниматься в нескольких аспектах. Например, это **стечение обстоятельств, меняющих жизнь человека**. Казалось бы, а что здесь чудесного? Но иногда бытовые, незначительные эпизоды в жизни человека меняют не только мир вокруг него, но и его внутренний мир, его восприятие действительности. В рассказах отца Николая нет прямых назиданий, но его герои – это люди, которые вселяют веру в добро, в любовь и в Бога. А священнический опыт, сопряженный со знанием жизни и психологии человека, придает его произведениям особую достоверность и убедительность.

Так, каждый, прочитавший рассказ протоиерея Николая Агафонова «Молитва алтарника», понимает, что если твоя вера искренняя, то чудо непременно случится. Счастливое рождественское чудо пришло к герою рассказа Валерке. Действие рассказа происходит в рождественский сочельник, когда вся земля готовится к главному чуду – явлению Божественного Младенца Христа. Ждут праздника настоятель собора с протодьяконом и сетуют на отсутствие снега: «Что за наваждение в этом году, ни снежинки. Как подумаю, что завтра Рождество, а снега нет, так никакого праздничного настроения». Валерка не просто верит в чудо, а в горячей молитве просит Пресвятую

Богородицу пред ее иконой «Скоропослушнице» сотворить это чудо. В его словах столько детской чистоты и веры, столько искренней горячей любви к Богу и людям, что ни одно сердце не способно устоять перед его слезной просьбой – тем более сердце Той, которая является Матерью и Заступницей всего рода христианского. И его молитва была услышана:

«Перед вечерней Рождественской службой неожиданно повалил снег пушистыми белыми хлопьями. Куда ни глянешь, всюду в воздухе кружились белые легкие снежинки». В кульминационной части произведения отношение читателя к главному герою меняется: алтарник

словно вырастает в наших глазах (даже имя его «Валерка» автор заменяет почтительным «Валерий»), и приходит понимание, что молитвами таких внешне незаметных людей, но исполненных горячей веры, испокон века держится Русская земля, именно они способны сотворить чудо.

В рассказе «Утешение в старости» Мария Ивановна, учитель с многолетним стажем, недоумевает, почему так трудно складываются отношения с детьми и внуками не только у нее, но и у друзей и знакомых. Отец Дмитрий дает ответ на этот вопрос: «Ваше поколение обокрало детей, отняв у них Бога, а теперь вырастают обкраденные внуки, и они, сами того не ведая, мстят своим родителям за свое безбожное детство. Вашему поколению повезло больше, Мария Ивановна. Над Вашими люльками матери и бабушки еще пели молитвы». Встреча с отцом Дмитрием, который помог ей вспомнить молитву Богородице и трижды пропевает ее вместе с Марией Ивановной, меняет жизнь героини. Даже внук подмечает: «Бабушка его не заметила, а он разглядел ее лицо: оно светилося счастьем и покоем».

Второй аспект – преодоление кризиса (исцеление, спасение от смерти, обретение семьи, преодоление ошибок и заблуждений, избавление от страхов). Все это воспринимается героями духовной прозы как чудо, идущее от Бога и зовущее к Всевышнему.

Например, в рассказе протоиерея Николая Агафонова «Колдовские сети» главная героиня, Светлана, пережив предательство мужа, обратилась за помощью к тем, кто готов был вернуть мужа в лоно семьи. Но для этого ей нужно было пройти магический ритуал. И только придя в храм, слушая песнопения, она осознает, что «отдельные фразы, входя, помимо ее сознания, прямо в сердце, приносили некое умиротворение душе». И в самый критический момент «Вдруг кто-то тронул ее за плечо, и почудилось, что над ней склонился тот самый святой старец с иконы. Он ласково улыбался:

- Вставай, милое дитя. Вставай, тебе говорю... Сегодня приходи ко мне в гости, я давно тебя жду». Словно пелена спала с души героини «Светлана полной грудью вдохнула морозный воздух и бодро зашагала в сторону храма. Еще издали она услышала веселый перезвон колоколов». Вот так преодолев ошибки и заблуждения, простив всех, кто причинил ей боль, Светлана открывает для себя чудо жизни.

В рассказе «Отшельник поневоле» иеромонах Никифор преодолевает самые сложные испытания: отчаяние, сомнение, граничащее с потерей веры, но затем приходит возрождение и обновление. Духовный конфликт обусловлен неожиданным изменением жизни героя: его направляют развивать монастырское подсобное хозяйство. Но отсутствие условий для жизни, потеря связи с внешним миром, одиночество и болезнь ведут героя к ослаблению веры и к серьезным сомнениям справедливости Божьего промысла: «Господи, да что же это творится, в чем же я виноват? Я ради Тебя оставил этот мир, шел к тихой и безмятежной жизни. А теперь что же получается – я никому не нужен. Ради чего я здесь?». Он теряет интерес к молитве, отказывается от совершения литургии. Но только ли внешние факторы влияют на изменения Никифора к вере? В процессе повествования читатель узнает причину прихода героя в монастырь: он разочарован в жизни, в людях, обижен, так как его предаст любимая девушка. А значит, не искренняя вера привела его в монастырь, а желание спрятаться от внешнего мира за церковной оградой.

Встреча с чудом происходит у отца Никифора в самый тяжелый момент: физические и духовные силы на исходе, возникают мысли о смерти. Монах произносит: «Господи, я не сойду с этого места, пока не явишь мне чудо. А не явишь, так и умру здесь, потому как жизнь моя без чуда Твоего не имеет уже никакого смысла». Этим чудом стала встреча отца Никифора с Анатолием, а через него – с жителями забытой и почти вымершей деревни, что с точки зрения христианского мирозерцания трактуется не как случайное обстоятельство, а как чудо, посланное по

молитве священника. Встреча героев рассказа – отправная точка их духовной эволюции. И в этом плане знаковой является финальная реплика иеромонаха Никифора: «Я – человек верующий, потому не верю в случайные встречи. Бог свел нас в этом забытом людьми уголке, значит, мы нужны друг другу. И уж, конечно, оба мы нужны Богу».

Таким образом, в рассказе «Отшельник поневоле» раскрывается тема духовной эволюции человека, и как следствие чуда: зарождение внутренней потребности в вере и перехода от формальной религиозности к истинной вере и идее служения Богу и ближнему.

«Кавказская» тема, за которую взялся в своей повести «Свет золотой луны» отец Николай, для русской литературы не нова. В ней попробовали себя и Лермонтов, и Лев Толстой. И хотя тень «Кавказского пленника» нет-нет, да и мелькнет как бы между строк, все же, автора нельзя упрекнуть в неоригинальности.

Действие происходит в недалеком прошлом. Мирный инженер Анатолий Гаврилов вместе с товарищами попадает в лапы чеченских бандитов. За их жизни требуют большой выкуп. Но внезапно один из чеченцев, Хамзат Джанаралиев, узнает в Гаврилове своего армейского товарища, однажды в буквальном смысле спасшего ему жизнь. Вспомнив прошлое, он решает во что бы то ни стало выволить Анатолия из плена, где того наверняка ожидала неминуемая смерть. После безуспешных попыток договориться со своими же подельниками, в конце концов Хамзат организует побег, и сам бежит вместе с товарищем и остальными пленниками.

Читатель должен быть готов к напряженному повествованию, неожиданным поворотам сюжета и порой весьма натуралистичным эпизодам. Автор вводит их не для «красного словца». Без них книга просто не была бы до конца правдивой. Но рядом со всем этим – удивительный лиризм и простая, но вечная философия жизни.

Законы гор жестоки, и Хамзат прекрасно знал, на что идет, решив помочь пленникам. Ведь таким образом для «своих» он автоматически становился предателем, изгоем. Во время долгих переходов, скрываясь от погони, Хамзат и Анатолий много разговаривают. Чеченец задается вопросом о долге, верности своему роду, традициям, обычаям, земле, на которой родился и вырос. Обо всем том, к чему, увы, все меньше и меньше стремится наше современное общество, отодвигая далеко на задний план нормы морали и само понятие о человеческой чести и достоинстве. А ведь именно на этом – любви, уважении, на добродетелях и нравственности, построена православная, русская культура, - размышляет герой, а вслед за ним и автор повести «Свет золотой Луны», отец Николай Агафонов. И не просто размышляет, а предлагает и нам к над этим задуматься.

Выводы по второй главе

Неразрывная связь православия с культурной проблематикой являлась для русских христиан знаком его подлинности. Такое понимание православной веры во многом определило самосознание русского народа. Духовное наследие русской православной Церкви является нравственным ориентиром для всех. Оно сочетает в себе гармонию и красоту, милосердие и мудрость Проповедников.

Исследование мотива чуда в православной литературе XXI века позволило прийти к следующим выводам: - отношение к чудесам в христианской культуре неоднозначно: не подкрепленное истинной верой чудо становится ложным; - мотив чуда раскрывает авторскую позицию: чудесное и обыкновенное всегда рядом в жизни, сумей это увидеть; - в современной духовной литературе чудо понимается как стечение обстоятельств, меняющих жизнь человека; преодоление кризиса; вторжение метафизического начала в жизнь человека.

Чудо в православной прозе может восприниматься в нескольких аспектах.

- Первый аскет – чудо, как стечение обстоятельств, меняющих жизнь человека (рассказы «Молитва алтарника», «Утешение в старости»)

Второй аспект – преодоление кризиса (исцеление, спасение от смерти, обретение семьи, преодоление ошибок и заблуждений, избавление от страхов). Все это воспринимается героями духовной прозы как чудо, идущее от Бога и зовущее к Всевышнему (рассказы «Колдовские сети», «Отшельник поневоле», повесть «Свет золотой луны»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время наблюдается духовное возрождение мировоззренческих взглядов и культуры после советского периода «безрелигиозности». Несмотря на отсутствие развития православной литературы в XX веке, необходимо рассматривать русскую словесность и ее истоки в русле национальной духовной традиции, в генетической связи с православием, поскольку уже в жанровой системе Древней Руси принципиально значимое место занимали патерики и жития святых.

Именно древнерусская литература оказала большое влияние на отечественную православную словесность. Агиография, патерики, сказания, хождения легли в основу «религиозного дискурса» произведений XIX века (творчество Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, Д. С. Мережковского), XX столетия («потопленная литература», проза Русского Зарубежья, подспудно творчество крупных советских писателей).

Примечательно, что в советской литературе именно с помощью духовной мотивики писатели пытались найти основы нравственности («Кашеева цепь» М. Пришвина, «Плаха» Ч. Айтматова, «Хранитель древностей» Ю. Домбровского, «Прощание с Матерой» В. Распутина и др.).

Важно отметить, что характерными особенностями современной отечественной православной прозы становятся отражение православной картины мира; поиск героями истины, вопросы веры, духовно-нравственный кризис личности и его последующее преодоление из-за переломных событий (преимущественно страшных обстоятельств: войны, потери близких и т.д.), и, как следствие, обращение персонажей к Богу.

Современная православная проза, формирующаяся в середины 1980-х гг., воспринимает и синтезирует весь предшествующий опыт русской словесности – от древности до XX столетия, о чем

свидетельствует как творчество светских писателей, позиционирующих себя православными (проза О. Николаевой, М. Кучерской, Н. Сухининой, Ю. Вознесенской, Ю. Шаманской, Б. Спорова, А. Донских, К. Певцова и др.), и проза священнослужителей (арх. Тихона (Шевкунова), Николая Агафонова и др.)

В сборнике рассказов «Преодоление земного притяжения», отражающем авторский духовный опыт, акцентируются важнейшие принципы жизни православного христианина (вера в помощь Бога, молитва как главное средство общения с Ним, надежда на прощение грехов через покаяние, любовь к ближнему, смирение; категория чуда актуализируется в помощи героям свыше, в случайном стечении обстоятельств и неожиданных встречах; паломничество и поклонение мощам святых даруют помощь, исцеление и утешение); все рассказы назидательны, носят притчеобразный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агафонов, Н. Дорога домой. Сб. рассказов / Н. Агафонов. – Москва: Сибирская благовонница, 2006. – с. 3.
2. Агеев, А. На улице и в храме / А. Агеев // Знамя. – 1990. – №10. – С. 228–237.
3. Альми, И. Л. Поэтика образов праведников в поздних романах Ф. М. Достоевского: пафос умиления и характер его воплощения в фигурах странника Макария и старца Зосимы / И.Л. Альми. – Санкт-Петербург: София, 2002. – С. 400–409.
4. Аношкина-Касаткина, В. Н. Православные основы русской литературы XIX века / В.Н. Аношкина-Касаткина. – Москва: URSS, 2011. – 384 с.
5. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/indexa.html> (дата обращения: 06.04.2024). – Текст: электронный.
6. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва: Сов. Россия, 1979. – 315 с.
7. Белоглазова, Е. А. Переосмысление житийных традиций в контексте произведения М. Кучерской «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» / Е.А. Белоглазова // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIII Междунар. научно-практич. конф.: в 5 т. – Тольятти: Изд-во Волжского университета им. В. Н. Татищева (институт), 2016. – С. 223–227.
8. Белоглазова, Е. А. Специфика изображения современного мира в православной прозе 2000–2010 гг. (на материале новеллистики Н. Е. Сухининой) / Е.А. Белоглазова // Новая наука: теоретический и практический взгляд : Междунар. науч. периодич. изд-е по итогам Междунар. науч.-практич. конф. Ижевск: Стерлитамак, 2016. – С. 184–186.

9. Бердникова, О. А. Бог и человек в художественном мире И. А. Бунина (Бог Милующий и Бог Карающий в лирике поэта) /О.А. Бердникова// Актуальные проблемы изучения православной культуры: Материалы научно-практ. конф. «Славянская культура: Истоки, традиции, взаимодействия» IX Кирилло-Мефодиевских чтений. Москва-Ярославль: «Ремдер», 2008. С. 113-119.
10. Бердникова, О. А. Оправдание добра: православная тема в диалоге русской литературы и литературы русского зарубежья / О.А. Бердникова // Социокультурные аспекты профессионально-делового общения. – Воронеж, 2003. – С. 120–122.
11. Бердяев, Н. А. Христос и мир: Ответ В. В. Розанову / Н.А. Бердяев // Литературная газета. – 2010. – № 44. – С. 15.
12. Богданова, О. А. Духовные искания в русской прозе рубежа XX - XXI веков / О.А. Богданова // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы XII Международной научной конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») / Сост. А.В. Моторин. – Великий Новгород, 2012. – С. 198–204.
13. Бочаров, С. Г. О религиозной филологии // Литературоведение как проблема: труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». Памяти А. В. Михайлова посвящается. / С.Г. Бочаров. – Москва: Наследие, 2001. – С. 483–499.
14. Бухаркин, П.Е. Церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: (Проблемы культурного диалога). / П.Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург, 1996.
15. Вознесенская, Ю. Н. Записка Господу Богу. / Ю.Н. Вознесенская. – Москва: Лепта Книга, Вече, 2019. – 224 с.
16. Вознесенская, Ю. Н. Мои посмертные приключения. / Ю.Н. Вознесенская. – Москва: Эксмо, Яуза, Лепта-Пресс, 2006. – 94 с.
17. Вознесенская, Ю. Н. Путь Кассандры, или Приключения с макаронами. / Ю.Н. Вознесенская // URL:

<https://azbyka.ru/fiction/putkassandry-ili-priklyucheniya-s-makaronami/> (дата обращения: 10.10.2023). – Текст: электронный.

18. Волков, В.В. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного. / В.В. Волков, И.В. Гладилина, Л.Н. Скаковская // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49-54.

19. Герасим (Добросердов, архиепископ Астраханский и Енотаевский, 1809-1880) Выдержки из дневника одного из вдовых священников в 1841 г. Архиепископ Астраханский и Енотаевский Герасим. - Астраханские ЕВ. 1879. № 49–51.

20. Герасим (Добросердов, архиепископ Астраханский и Енотаевский, 1809-1880) Выдержки из дневника одного из вдовых священников в 1841 г. Архиепископ Астраханский и Енотаевский Герасим. - Астраханские ЕВ. 1800. № 1–3.

21. Герасим (Добросердов, архиепископ Астраханский и Енотаевский, 1809-1880) Выдержки из дневника ученика Иркутской семинарии, Высшего отделения, Егора Добросердова, командированного в июле 1831 года, по распоряжению Его Высокопреосвященства, Пресв. Архиеп. Ириней, в улусы Бурят Аларского, Балаганского и Идинского ведомств в качестве миссионера – с свящ. Ник. Комаровским Архиепископ Астраханский и Енотаевский Герасим. - Астраханские ЕВ. 1879. № 45–47.

22. Гладкова, Е.В. Духовная проза 1830–1870-х годов. // Христианство и русская литература. Сборник пятый. / Е.В. Гладкова. - Санкт-Петербург: 2006. С. 129–203.

23. Гопман, В. Л. Фэнтези // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. / В.Л. Гопман. – Москва: НПК «Интелвак», 2003. – С. 1161-1163.

24. Гордиенко, Н.Н. Русская поэзия рубежа XX - XXI вв. в контексте православной духовной традиции: автореф. дисс. ... к. филол. н. / Н.Н. Гордиенко. – Москва: 2008. – 22 с.

25. Давыдова, Т. Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и другие). / Т.Т. Давыдова. – Москва: Флинта: Наука, 2005. – 336 с.
26. Дашевская, О. А. Проблемы изучения христианских аспектов русской литературы XX века в постнеклассическую эпоху / О.А. Дашевская // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 337. – С. 16–21.
27. Двоеглазов, В. В. Категория «праведничества» в русской литературе первой половины XIX века. / В.В. Двоеглазов // дисс. ... к. филол. н. – Киров, 2015. – 241 с.
28. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 5 ч. / М.М. Дунаев. – Москва: Христианская литература, 1997. – Ч. 3. – 576 с.
29. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. / М.М. Дунаев. – Москва: Христианская литература, 2004. – Ч. 6. – 512 с.
30. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе. / И.А. Есаулов // – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – 288 с.
31. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности. / И.А. Есаулов. – Москва: Кругъ, 2004. – 560 с.
32. Зайцева, Е. Л. Поэтика обыкновенного в рассказах священника Ярослава Шипова // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения», 12–14 мая 2009 г., г. Москва: в 4 ч. / Е.Л. Зайцева. – Москва, Ярославль.
33. Иоанн Златоуст, свт Беседы о покаянии. / Иоанн Златоуст. - Москва: Издательство имени Игнатия Ставропольского, 1999 - 128 с.

34. Каплан, В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? // URL: <http://bit.ly/2XJg7oh> (дата обращения: 12.12.2023). – Текст: электронный.
35. Каплет, В. М. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? // URL: <https://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения: 10.12.2023). – Текст: электронный.
36. Колобаев, П.А. Функционирование интертекстом библейского происхождения в современной православной прозе (на материале рассказов и притч О. Л. Рожневой). / П.А. Колобаев // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 156–170.
37. Корепанова, В. А. Поэтика православной прозы XXI века. / В.А. Корепанова, И.С. Леонов. – Москва; Ярославль, 2011. – 122 с.
38. Краснякова, М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. Воронеж, 2016. 22с.
39. Леонов, И. С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика: автореф. дисс. д-ра филол.н / И.С. Леонов. – Волгоград, 2019. – 40 с.
40. Леонов, И.С. Пастырь и паства в российской приходской прозе XXI века: специфика взаимодействия. / И.С. Леонов // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 2 (38). С. 42-50.
41. Леонов, И.С. Приходская проза XXI века: проблема двоемирия. / И.С. Леонов // Казанская наука. 2015. № 7. С. 75-77.
42. Леонов, И.С. Русская приходская проза XXI века как литературный феномен. / И.С. Леонов // Raleigh, North Carolina: Open Science Publishing, 2018. 180 с.
43. Лихачев, Д. С. Возникновение русской литературы. / Д.С. Лихачев. – Москва-Ленинград: Издво АН СССР, 1952. – 240 с.

44. Лотман, Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература». / Ю.М. Лотман // Избр. ст.: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 203–242.
45. Лотман, Ю. М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция. / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1992. – С. 58–71.
46. Мокиевский, А. Незавершенная литургия. Роман. / А. Мокиевский. – Санкт-Петербург: Амфора, 2006.
47. Мокиевский, А. Незавершенная литургия. Роман. / А. Мокиевский. – Санкт-Петербург: Амфора, 2006. – с. 3.
48. Муравьев, А.Н. Путешествие по Святым местам русским. 4-е изд. / А.Н. Муравьев. – Санкт-Петербург, 1846; Москва, 1990 (репринт). Ч. 1.
49. Пращерук, Н.В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика. / Н.В. Пращерук // Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. 116 с.
50. Протоиерей Николай Агафонов «Иоанн Дамаскин» (в дальнейших сносках — «Иоанн Дамаскин», издательство Сретенского монастыря. / Протоиерей Николай Агафонов. - Москва. 2007. С. 57.
51. Протоиерей Николай Агафонов. Преодоление земного притяжения : рассказы / Протоиерей Николай Агафонов. - Самара, 2004 (АНО тип. ГУВД Самарской обл.). - 419 с.
52. Леонов, И.С. Модель неверие - начальные попытки духовного поиска в контексте современной православной художественной литературы // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения» / Под ред. Ю.Е. Прохорова. / И.С. Леонов. - Москва - Ярославль: Ремдер, 2013. - С. 32 - 40.

53. Сафатова, Е.Ю. Паломнический сюжет в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествии по Святым местам русским» А.Н. Муравьева. / Е.Ю. Сафатова // Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2008.

54. Филарет (Гумилевский, архиепископ Харьковский) Обзор русской духовной литературы. Архиепископ Харьковский Филарет. - 862–1720. Харьков, 1859.

55. Хохлова, Н.А. А.Н. Муравьев-литератор. / Н.А. Хохлова // Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1999.

56. Червоненко, С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990 – 2000-х годов. / С.М. Червоненко // автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. М., 2013. 22 с.